

Виктор Безматерный

Шестой игрок

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Виктор Безматерный
Шестой игрок

«Автор»

2026

Безматерний В.

Шестой игрок / В. Безматерний — «Автор», 2026

Он ставит метки на своих жертвах. Цифры маркером на груди: **«1»**, **«2»**, **«3»**... Для следователя Оксаны Пчёлкиной это не просто убийства — это шахматная партия, где пешками стали золотая молодежь Новорленска. Победа? Или иллюзия? Когда кажется, что зло повержено, оно просто меняет маску. Сообщение на разбитом телефоне гласит: **«Истина откроется сама»**. Ты думаешь, что читаешь детектив? Нет. Ты — часть игры.

© Безматерний В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Тишина на воде	5
Глава 2	10
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Шестой игрок

Глава 1. Тишина на воде

04:15. Мой телефон разразился пронзительной трелью, вырывая из тяжелого, без сновидений, сна. Я нащупала его на тумбочке, не открывая глаз. Звонил дежурный. Это не могло быть ничем хорошим. В четыре утра звонят только по одной причине.

— Пчёлкина, — мой голос был хриплым, я прочистила горло.

— Оксана Викторовна, доброе утро. Вернее, ночь. У нас труп. Лесное озеро, северная оконечность. Граждане на утренней пробежке наткнулись. Патруль уже на месте, оцепление ставят.

Я села на кровати, свесив ноги. Холодный пол обжег ступни. В комнате было темно и душно.

— Причина смерти? — я уже натягивала джинсы.

— По первичному осмотру патрульных — неясна. Тело у самой кромки воды. На вид — молодой мужчина.

— Еду, — коротко бросила я и нажала отбой.

Десять минут на то, чтобы умыться ледяной водой, прогоняя остатки сна, и влезть в джинсы и свитер. Кожаная куртка привычно легла на плечи тяжелым грузом. Я не стала краситься — это бессмысленно. Через час от любой косметики на этом холоде не останется и следа. В сумку полетел рабочий планшет, перчатки и термос с остатками вчерашнего кофе.

Новорленск спал. Город казался вымершим, серым монолитом под низким, свинцовым небом. Фонари горели тускло, их свет вяз в густом предрассветном тумане, который поднимался от реки и стелился по улицам промзоны. Я вела машину на автомате, руки крепко сжимали руль. В голове уже щелкал невидимый метроном, отсекая лишние мысли и оставляя только факты: место, время, объект.

Лесное озеро пользовалось дурной славой у местных — слишком глубокое, слишком холодное даже летом, с илистым дном и топкими берегами. Но сейчас оно было просто декорацией к очередному эпизоду человеческой трагедии.

Я свернула с шоссе на грунтовку, ведущую к озеру. Фары выхватили из темноты патрульную машину ДПС с включенной «люстрой», но без сирены. Тишину нарушал лишь глухой рокот моего двигателя да тихий плеск воды о берег. Я припарковалась рядом с «Ладой», заглушила мотор и вышла в сырую прохладу утра.

Воздух здесь был другим — пахло тиной, прелой листвой и чем-то еще... чем-то сладковатым и тяжелым, что я распознала еще до того, как увидела тело. Запах смерти. Он всегда одинаков: смесь испражнений, крови и того необратимого, что происходит с организмом после остановки сердца.

Ко мне подошел сержант ППС, молодой парень с бледным лицом.

— Следователь Пчёлкина, — представилась я, показывая удостоверение. — Что у нас?

— Так точно, — кивнул он, стараясь не смотреть мне в глаза. — Тело обнаружил вон тот гражданин, — он махнул рукой в сторону «уазика» ППС, где на заднем сиденье сидел мужчина в спортивном костюме, обхватив себя руками. — Говорит, бегал тут каждое утро. Свернул к озеру... ну и вот.

— Ясно. Где тело?

— Там, — он указал в сторону темных силуэтов деревьев у воды. — Криминалисты уже работают.

Я кивнула и направилась к месту происшествия. Под ногами чавкала мокрая земля. Я включила фонарик на телефоне — мощный луч света прорезал туман и уперся в спины двух криминалистов в белых комбинезонах. Они стояли над чем-то темным, лежащим на траве.

Я подошла ближе и остановилась в паре метров от них.

— Доброе утро, Оксана Викторовна, — не оборачиваясь, произнес старший криминалист Илья. Голос его звучал глухо из-под маски.

— Для кого как, Илья. Что скажешь?

Он наконец выпрямился и повернулся ко мне.

— Ждем вас для официального осмотра перед транспортировкой в морг. Но картина странная. Трупные пятна выражены слабо из-за положения тела — он лежал частично в воде или на мокрой траве при такой влажности. Трупное окоченение только начинает проявляться... Я бы сказал, смерть наступила часов пять-шесть назад.

Я сделала еще один шаг вперед и посветила фонариком непосредственно на тело.

Передо мной лежал молодой мужчина. На вид лет двадцать пять – двадцать семь. Одет в простые синие джинсы с низкой посадкой (мода из нулевых) и темно-серую футболку с логотипом какой-то давно забытой рок-группы. Волосы русые, коротко стриженные, слипшиеся от воды и грязи. Лицо... Лицо было повернуто к воде, глаза полуприкрыты, рот приоткрыт в немом крике или последнем вздохе.

Я присела на корточки рядом с Ильей, стараясь не наступить на возможные следы вокруг тела. Мой взгляд методично сканировал жертву с головы до ног.

Синяки? На лице нет явных гематом. Шея... Шея чистая. Следов удушения не видно. Руки... Я посветила на кисти рук. Костяшки пальцев не сбиты, ногти чистые. Защиты нет. Он не дрался перед смертью? Или дрался так умело/неудачно для нападающего?

Я перевела луч фонаря ниже. Футболка была влажной и прилипла к телу. И тут свет выхватил то, что заставило меня замереть на секунду и задержать дыхание.

На левой стороне груди жертвы маркером была выведена жирная цифра **«1»**.

Я моргнула, убеждаясь, что это не игра света или усталость зрения.

— Илья... — мой голос прозвучал тихо, но твердо.

— Да, я видел, — так же тихо ответил он. — Это не мы нарисовали.

— Я знаю.

Я наклонилась ниже, почти касаясь носом ткани футболки (в мыслях я уже проклинала себя за то, что не надела маску). Запах маркера был резким, химическим, перекрывающим даже запах тины от одежды.

* **Цвет:** Черный.

* **Инструмент:** Это не обычный офисный маркер для досок (он бы размазался от влаги). И не дешевый фломастер (он бы впитался слишком глубоко). Это был профессиональный перманентный маркер с широким скошенным наконечником. Жирная линия была нанесена одним уверенным движением руки по натянутой коже грудной клетки.

* **Глубина проникновения:** Краска въелась в верхний слой эпидермиса так плотно, что даже вода озера не смогла ее смыть полностью по краям цифры.

* **Время нанесения:** Это ключевой вопрос. Если маркер нанесен до смерти... это ритуал? Подпись? Если после... это послание нам?

Я выпрямилась во весь рост и обвела взглядом место вокруг тела.

Берег был топким, следы бегунов и патрульных превратили его в кашу. Но если преступник принес тело сюда (а судя по отсутствию крови под ним, здесь его не убивали), он должен был оставить следы волочения или носки от машины до этой точки.

— Илья, фиксируй всё под номером один: цифру на теле как отдельную улику. Возьми соскоб краски для анализа состава маркера. И проверь одежду под цифрой — нет ли там проколов или ранений под слоем краски? Такое ощущение, что его поместили как товар на складе перед отправкой.

Илья молча кивнул и вернулся к работе со своим набором инструментов: пинцетом для сбора микрочастиц и пакетами для улик.

Я достала свой планшет из сумки и включила диктофон.

«Протокол осмотра места происшествия... Дата: [сегодняшняя дата]. Время начала осмотра: 04:45...»

Мой голос звучал сухо и официально, фиксируя каждую деталь: координаты тела относительно берега озера (три метра от кромки воды), состояние одежды (влажная), отсутствие видимых внешних повреждений (кроме цифры), поза тела (на спине).

Закончив с диктофонной записью, я сделала несколько десятков фотографий общего плана места преступления со вспышкой — холодный белый свет выхватывал из тумана силуэты криминалистов и темную массу тела на земле. Затем я сделала серию макроснимков самой цифры «1». Каждая шероховатость кожи внутри контура была видна как на ладони.

Закончив осмотр тела до приезда труповозки, я подошла к патрульному сержанту.

— Свидетель здесь?

— Так точно. В машине греется.

Я подошла к «буханке» ППС и открыла заднюю дверь. Мужчина в спортивном костюме вздрогнул от скрипа петель.

— Гражданин? Меня зовут Оксана Викторовна Пчёлкина, следственный комитет. Мне нужно задать вам несколько вопросов о том, что вы видели сегодня утром.

Мужчина посмотрел на меня затравленным взглядом человека, чей привычный мир рухнул за пять минут до рассвета.

— Я... я ничего не трогал! Я сразу позвонил! Я бежал по тропинке вдоль озера... Там есть такая... ну где кусты пореже... И свет от фонарика упал на что-то темное у воды... Я думал, это мешок мусорный или бревно приплыло... Подошел ближе...

Он замолчал, сглотнув комок в горле.

— И увидели тело?

Он кивнул.

— Да... Он лежал лицом вниз сначала... Я не сразу понял... А потом свет упал ему на спину... И я увидел эту цифру...

Его передернуло.

— Какую цифру? Вы можете описать?

— Единицу! Жирную такую! Как будто баллончиком написали! Или маркером огромным!

Я сделала пометку в планшете. Свидетель подтвердил наличие цифры еще до нашего приезда с Ильей. Это хорошо для протокола — исключает версию о том, что это чья-то глупая шутка уже после обнаружения тела полицией или нами самими (хотя эту версию я отметала сразу).

— Вы кого-нибудь видели? Слышали? Может быть, машина какая-то отъезжала?

Он отрицательно замотал головой так активно, что чуть не ударился о крышу машины.

— Нет-нет! Никого! Только туман! И вода шумит! Я же говорю, я бежал по тропинке вдоль берега! Там кусты!

Я задала еще несколько уточняющих вопросов: во сколько он вышел из дома (в 03:50), какой дорогой бежал (по шоссе до поворота к озеру), есть ли у него телефон с собой (да). Его показания были сбивчивыми от шока, но содержали конкретику по времени обнаружения тела (около 04:10).

Поблагодарив свидетеля за сотрудничество (и проинструктировав патрульных проследить за ним до дома), я вернулась к озеру как раз вовремя: подъехала труповозка из морга номер два Новогоорленска — выдавший виды белый фургон с синей полосой по борту.

Санитары деловито расстелили черный пластиковый мешок рядом с телом. Илья закончил упаковывать улики в специальные контейнеры: срез ткани футболки с цифрой «1», образцы грунта из-под ногтей жертвы (если найдутся), слепки следов обуви вокруг места происшествия (хотя надежды мало).

Я стояла чуть поодаль и наблюдала за процессом погрузки тела со странным чувством отстраненности. Это была моя работа. Этот человек больше не был личностью со своей историей жизни; он стал «Объектом №1». Набор биологических данных для вскрытия судмедэкспертом Мариной Сергеевной Петровой — лучшим патологоанатомом города.

Когда тело наконец погрузили в фургон и захлопнули двери кузова, утренняя тишина показалась мне оглушительной. Туман стал еще гуще, скрывая верхушки сосен вокруг озера непроницаемой молочной пеленой.

Я достала телефон из кармана куртки (перчатки я так и не сняла) и набрала номер дежурной части следственного комитета.

— Дежурный слушает!

— Это Пчёлкина. Труп номер один оформлен к отправке в морг Петровой Марины Сергеевны для проведения вскрытия по факту обнаружения тела неизвестного мужчины со странными посмертными изменениями (нанесение символа). Место происшествия оцеплено до полного сбора улик криминалистами группы Ильи Сергеевича [фамилия]. Мне нужен оперуполномоченный Норак Владимир Филиппович для работы по делу о возможном серийном

убийстве или особо тяжком преступлении против личности с особой жестокостью/ритуальным подтекстом ввиду наличия символа «1» на теле жертвы при невыясненной причине смерти...

Я говорила быстро, чеканя слова как команды диспетчера скорой помощи или пилота самолета перед взлетом. Это помогало держать себя в руках и отсекать любые эмоции вроде жалости или страха перед неизвестностью того ужаса, который только начинал разворачиваться передо мной этим серым утром в Новоморленске.

Закончив звонок дежурному (который тут же начал рассылать ориентировки), я убрала телефон обратно в карман плотных джинсов-карго. В кармане глухо звякнули ключи от машины.

Илья подошел ко мне, стягивая перчатки с рук.

— Мы закончили здесь через полчаса максимум. Следов волочения нет из-за грунта, но мы сняли слепки шин со съезда к озеру — там глина подсохла сверху за ночь после дождя вчера вечером...

Он осекся под моим тяжелым взглядом.

— Что? Ты думаешь о том же?

Я медленно кивнула головой в сторону удаляющейся труповозки.

— Да, Илья... Я думаю о том же самом...

В моей голове уже начала складываться пугающая логическая цепочка:

* Неизвестный мужчина лет 25-27...

* Причина смерти неясна при первичном осмотре...

* И главное: жирная цифра «1» на груди...

Если это действительно то, о чем я начала догадываться... то цифра «1» означает лишь одно: это ****начало**** списка.

И где-то там есть цифра «два».

И она ждет своего часа где-то в этом спящем городе туманов Новогоорленска.

Я плотнее запахнула куртку от пронизывающего ветра с озера и направилась к своей машине. Впереди был долгий день: нужно было дождаться результатов вскрытия Марины Сергеевны к обеду и найти того самого опера Норака Владимира Филипповича, который станет моим напарником в этом деле о нумерации мертвецов.

Глава 2

Вернувшись с места преступления, я первым делом направилась не к своему столу, заваленному старыми отчетами по «висякам», а напрямик в кабинет начальника следственного отдела. Ноги гудели от усталости, куртка насквозь пропиталась промозглой сыростью лесного озера, но мозг уже работал на полную мощность, анализируя увиденное. Цифра «1» на груди трупа жгла сознание каленым железом. Это была не случайность, не граффити и не пьяная выходка. Это было заявление.

Полковник Свиридов встретил меня хмурым взглядом поверх очков для чтения. Он был из старой гвардии — седой, грузный, с тяжелым характером, но феноменальным нюхом на сложные дела. В его кабинете всегда пахло крепким чаем без сахара и старой бумагой.

— Ну? — бросил он вместо приветствия, когда я закрыла за собой дверь. — Что там у тебя на озере?

Я прошла к столу и села в скрипучее кресло для посетителей.

— Труп мужчины, ориентировочно двадцать пять – тридцать лет. Причина смерти на месте не установлена. Признаков насильственной смерти визуально нет, кроме одной детали... — Я сделала паузу, доставая планшет. Включив экран, я развернула его к начальнику. На фотографии крупным планом красовалась жирная черная единица. — Вот это было нанесено маркером на грудную клетку жертвы до наступления смерти или сразу после нее, пока тело еще сохраняло тепло.

Свиридов снял очки и потер переносицу. Его лицо стало еще мрачнее.

— Ритуал? Подпись маньяка?

— Или послание нам, — кивнула я. — Краска въелась глубоко, тип маркера профессиональный, перманентный. Илья сейчас везет образцы в лабораторию. Но сам факт наличия этого символа меняет квалификацию дела. Это не несчастный случай и не бытовуха. Это как минимум особо тяжкое преступление с особой жестокостью или ритуальными мотивами.

Начальник тяжело вздохнул и откинулся на спинку кресла, которая жалобно скрипнула под его весом.

— Значит так, Пчёлкина. Дело твое, ты следователь. Но один ты его не потянешь. Убийство, да еще такое... Нужен опер. Толковый, опытный, чтобы землю носом рыл. Я тебе выделяю Владимира Филипповича Норака. Переведен к нам месяц назад из областного центра. Звезд с неба не хватает, но дело знает туго. Работает топорно, зато эффективно. Сейчас подойдет.

Я нахмурилась. Не люблю работать с незнакомыми операми. Каждый со своими методами, привычками и тараканами. А мне нужна четкость, логика и холодный расчет. Эмоции и интуиция — это хорошо, но только когда они подкреплены железобетонными уликами.

Раздался короткий стук в дверь, и она тут же распахнулась, впуская в кабинет порыв холодного воздуха из коридора. На пороге стоял мужчина. Именно *стоял*, заполняя собой весь дверной проем. Высокий, широкоплечий, с той самой тяжелой, основательной статью, которую дает не спортзал, а годы физической работы и житейская усталость. Ему было около сорока пяти, может, чуть больше. Лицо грубое, словно высеченное из камня: тяжелый подбородок, глубокие складки у рта и глаза — темные, выцветшие, смотрившие на мир с вечным скепсисом. Одет он был в простую кожаную куртку, выдавшую виды, и джинсы.

Он окинул нас быстрым взглядом, задержавшись на секунду на мне, и коротко кивнул Свиридову.

— Вызывали, товарищ полковник?

— Заходи, Владимир Филиппович. Знакомься, твоя новая напарница по этому делу — Оксана Викторовна Пчёлкина. Следователь.

Норак перевел взгляд на меня. Оценивающий, прямой, лишенный всякого пиетета перед молодым следователем женского пола. Я выдержала этот взгляд спокойно, не отводя глаз.

— Норак, — буркнул он, проходя в кабинет и занимая второе гостевое кресло. Кресло жалобно пискнуло под его весом. — Оперуполномоченный.

— Очень приятно, — сухо ответила я. — Вы в курсе вводных по делу?

— Слышал краем уха. Утопленник с номером. Бред какой-то.

— Это не бред, — отрезал Свиридов, возвращая себе инициативу. — Это наша головная боль. И ваша общая задача. Володя, ты обеспечиваешь оперативное сопровождение. Проверяешь связи, алиби, прошлые судимости, если были. Оксана ведет следствие, процессуальные действия. Работаете в связке. Вопросы?

Вопросов ни у кого не возникло. Мы с Нораксом обменялись еще одним коротким, оценивающим взглядом. Мне показалось, что в его глазах мелькнуло легкое разочарование — видимо, он ожидал увидеть матерого мужика-следака, а не молодую женщину. Я же видела перед собой классического «опера старой закалки» — прямолинейного, возможно, хамоватого, но знающего свою работу. Придется искать общий язык.

Распрощавшись со Свиридовым, мы вышли в коридор. Здесь кипела обычная утренняя жизнь отдела: кто-то бежал с папкой документов, где-то звонил телефон, из-за неплотно закрытой двери кабинета слышался смех.

— Ну что, коллега, — Норак первым нарушил молчание, доставая из кармана мятую пачку сигарет. — Куда двинем? В морг? Там Петрова должна уже закончить с нашим красавцем.

— Да, едем в морг, — согласилась я. — Нам нужно официальное заключение о причине смерти. Без этого мы даже не можем начать полноценную проверку окружения погибшего.

— А чего ее проверять? — фыркнул он, щелкая зажигалкой прямо в коридоре. Я поморщилась от запаха дешевого табака. — Обычный нарик перебрал, упал, захлебнулся. А цифру эту ему дружбан нарисовал, обдолбавшись. Или сам себя разрисовал, галлюцинация словила.

— Если бы всё было так просто, — парировала я, ускоряя шаг, чтобы выйти на улицу. — Во-первых, на теле нет следов инъекций. Кисти рук чистые, ногти ухоженные. Во-вторых, место обнаружения тела — глухая часть берега, куда бегуны случайно не забредают. И главное — эта цифра. Она нанесена ровно, уверенно. Это не хаотичная мазня наркомана. Это работа трезвого человека. Возможно, убийцы.

Норак лишь неопределенно хмыкнул, выпуская струю дыма в морозный воздух. До морга мы доехали молча, каждый погруженный в свои мысли. Мои были заняты составлением первичного плана действий: запросить биллинг телефона (если найдем), проверить камеры на подъездах к озеру, отработать версию с машиной...

Морг городской больницы №2 встретил нас знакомым запахом формалина и стерильной тишиной. Марина Сергеевна Петрова, наш штатный судмедэксперт, уже ждала нас в своем кабинете. Эта маленькая, хрупкая женщина с острым умом и языком, способным резать сталь, внушала трепет всем сотрудникам отдела. Говорили, что она может рассказать историю жизни и смерти человека, просто взглянув на его кости.

Она сидела за столом, сняв хирургические перчатки и делая пометки в журнале.

— А, легки на помине! — воскликнула она, поднимая голову. Глаза за стеклами очков блеснули азартом. — Проходите-проходите. Я как раз закончила. Ваш «номер первый» оказался весьма интересным экземпляром.

Мы с Норакom переглянулись и вошли в кабинет. Я достала диктофон и положила его на стол между нами.

— Марина Сергеевна, мы готовы фиксировать результаты вскрытия.

— Садитесь, голубчики. Чаю хотите? Нет? Ну и правильно, вам мои новости запивать надо чем покрепче, а не чаем.

Она отложила ручку и сцепила пальцы в замок, глядя на нас поверх очков. Наступила та самая пауза, которую опытные криминалисты держат специально, чтобы нагнать драматизма. Норак нетерпеливо кашлянул.

— Давай, Марин, не томи. От чего умер парень?

Петрова улыбнулась одними уголками губ.

— Умер он, дорогой мой Владимир Филиппович, от острой сердечной недостаточности. Точнее, от остановки сердца, вызванной фибрилляцией желудочков.

— Так-так, — я подалась вперед. — Причина? Передозировка? Яд?

— Ни то, ни другое, Оксаночка. Химический анализ крови чист как слеза младенца. Ни наркотиков, ни алкоголя, ни ядов. Абсолютно здоровый организм. Сердце как у молодого бычка. Никаких патологий, никаких врожденных дефектов. Идеальный кандидат в доноры органов, если бы не обстоятельства.

В комнате повисла тяжелая тишина. Я переваривала информацию. Здорового двадцатипятилетнего парня убило собственное сердце, которое решило остановиться без видимых причин.

— Тогда почему оно остановилось? — спросил Норак, туша сигарету в пепельнице на столе Марины Сергеевны. Та даже бровью не повела. — Испугался сильно? Стресс?

— Стресс мог быть спусковым крючком, — кивнула эксперт. — Но причина глубже. Видите ли, коллеги, я обнаружила следы старых травм. Микроскопических, почти заживших. На миокарде, на сердечных клапанах есть крошечные рубцы. Как будто его сердце подверглось воздействию электрического тока. Причем ток был не бытовым, а специфическим, импульсным. Низкого напряжения, но высокой частоты. Такие повреждения характерны для воздействия электрошоковых устройств определенного типа.

У меня холодок пробежал по спине. Картинка начала складываться в жуткий пазл.

— То есть его пытали? Электрошокером?

— Скорее всего. Причем делали это профессионально. Наносили удары точно, чтобы вызвать болевой шок и аритмию, но не оставить явных ожогов на коже. Старые травмы говорят о том, что это происходило неоднократно. Организм адаптировался, создавал рубцовую ткань. Но последняя доза оказалась критической. Либо напряжение было выше, либо количество ударов превысило предел выносливости миокарда. Произошел сбой, фибрилляция, и сердце просто встало. Смерть наступила мгновенно.

Норак присвистнул.

— Охренеть. Тихая смерть. Ни криков, ни крови. Просто упал и всё.

— Именно поэтому на берегу озера не было борьбы, — медленно произнесла я, обращаясь скорее к себе, чем к ним. — Преступник знал, что делает. Он не душил жертву, не бил ножом. Он использовал метод, который оставляет минимум внешних повреждений. Идеальное убийство... если бы не одно «но».

— Цифра, — тихо закончил мою мысль Норак.

— Совершенно верно, — подтвердила Марина Сергеевна. — И вот тут начинается самое интересное. Я внимательно изучила кожу под этой надписью. Глубина проникновения пигмента говорит о том, что маркер прижимали с силой. Жертва в этот момент была жива, но находилась в состоянии глубокого шока или была уже мертва, но тело еще не остыло. Кровеносные сосуды вокруг надписи слегка расширены, что характерно для живого организма. Вероятнее всего, надпись наносили **до** того, как пустили ток. Как клеймо.

Я выключила диктофон. Информация была слишком серьезной, чтобы доверять её записи. Нужно было осмыслить.

— Марина Сергеевна, спасибо. Это многое объясняет. Ты можешь дать предварительное время смерти?

— Между тремя и четырьмя часами ночи. Плюс-минус полчаса.

— Отлично. Владимир, — я повернулась к оперу, — это значит, что у нас есть окно в несколько часов. Камеры на трассе, ведущей к озеру, должны зафиксировать машину, если она там была. Нужно срочно запрашивать видео.

Норак кивнул, его лицо стало серьезным, исчезла маска ленивого циника.

— Сделаю. Но знаешь, что я думаю? Если его пытали электрошоком, значит, держали где-то взаперти. Где-то, где есть розетка и звукоизоляция. Гараж? Частный дом? Подвал?

— Или квартира, — добавила я. — Главное, чтобы соседи не слышали криков. А судя по тому, что мы знаем о методе, кричать он мог недолго.

Мы покинули кабинет эксперта. Коридор морга казался еще более мрачным, чем раньше. Теперь это было не просто неопознанное тело. Это был человек, которого долго истязали, а потом привезли на берег туманного озера, чтобы поставить на нем номер и бросить как ненужную вещь.

— Ладно, — я поправила сумку на плече. — Едем обратно в отдел. Нужно запускать машину. Пробьем отпечатки по базе, если они есть. Начнем устанавливать личность. И нужно понять, почему именно «один». Есть ли связь между методом убийства и этим символом.

— Думаешь, будут другие номера? — мрачно спросил Норак, открывая передо мной дверь на улицу.

— Я уверена в этом, — твердо сказала я, выходя на свежий воздух. Холод обжег легкие. — Кто-то начал игру. И правила этой игры написаны кровью нашего «номера первого».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.